

УБЕОВУЛЬФА

ХРОНИКИ БЕСХРЕБЕТНОГО БОГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Левша

18+

Михаил Левша

Хроники Бесхребетного Бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73165108

SelfPub; 2026

Аннотация

Трое изгоев меняют реальность. Барни – бывший «санитар», глушащий магию. Алиса – хакер, чинящая артефакты. Лео – тихий уборщик, оказавшийся живым антивирусом для мироздания.

Их мир – город, где магия стала технологией, а Церковь стремится к тотальному контролю. Когда запускают «Форматировщик» для стирания хаоса, трое неудачников становятся последней ошибкой в системе. Их выбор – не сражаться, а переписать правила.

Роман о свободе воли, принятии себя и о том, что самый красивый код пишется не перфекционистами, а теми, кто не боится оставлять в нём глюки на память.

Содержание

АКТ I: ГЛЮКИ СИСТЕМЫ	4
Глава 1: Мусорный день для богини	4
Глава 2: Идеальный эспрессо и закон всемирного тяготения	15
Глава 3: Протокол «Сирота»	26
Глава 4: Некорректный аргумент	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Левша

Хроники

Бесхребетного Бога

АКТ I: ГЛЮКИ СИСТЕМЫ

Глава 1: Мусорный день для богини

Жизнь – отличная штука, если тебе платят за то, чтобы ты ковырялась в чужих кошмарах. В прямом смысле.

Передо мной на столе, рядом с остывшей кружкой чая и тремя разобранными телефонами, лежал «Волшебный проектор „Сон ангела“». Ярко-розовый, с блёстками и одним оторванным крылышком у пластиковой феи на корпусе. Клиентка – взволнованная мамаша – визжала в трубку, что игрушка вместо мирных созвездий начала показывать её семилетнему сыну «исчадий ада и геометрические ужасы, которые даже названия не имеют!».

Я вздохнула, взяла в руки тончайший прутик из орхидейного серебра и ткнула в сломанный узел проецирования. В воздухе над столом вспыхнуло трёхмерное изображение: не милые звёздочки, а нечто, напоминающее спутанный клубок

из червей, исписанный дрожащими рунами на Древнем С+++. В центре клубка пульсировало что-то тёмно-багровое.

– Ну здравствуй, маленький не отлаженный кошмарчик, – пробормотала я. – Давай посмотрим, какой гениальный «программист» тебя собрал.

Мой фамильяр, Керни, пискнул у меня на плече и материализовал в воздухе увеличительное стекло. Я присмотрелась. Код был... кривой. Грубые склейки, куски скопипащенных заклинаний из открытых источников, и главное – утечка памяти эмоций. Игрушка не создавала кошмары сама. Она как губка впитала в себя подавленные страхи ребёнка (боязнь темноты, пауков, математики) и теперь циклично их проигрывала.

– Типично, – фыркнула я. – Собрали на коленке, протестировали на коте, выпустили в продажу. Зато с блёстками.

Я аккуратно ввела прутик в точку сборки и шепотом произнесла команду на `Pythonomalicon`'е:

```
def clean_memory_cache():  
    for nightmare in active_fears:  
        nightmare.status = 'deleted'  
    return 'sweet_dreams.exe'
```

Код в воздухе дёрнулся, черви рассыпались на пиксели. Багровое пятно сжалось в крохотную точку и исчезло с тихим «рор». На его месте замерцали стандартные, скучные, но абсолютно безопасные голографические звёзды. Фея на корпусе махнула крылом – вторым, целым.

– Вот и всё, малыш, – сказала я проектору, откладывая инструменты. – Теперь ты будешь показывать только Большую Медведицу и, если повезёт, парочку падающих звёзд с устаревшим API.

Керни, довольный, свернулся у меня на шее тёплым голографическим шарфиком. Я потянулась, хрустнув спиной. Шестой артефакт за сегодня. Неплохо. Ещё парочка – и можно будет позволить себе настоящий кофе, а не эту пыль, которую я завариваю по утрам.

Именно в этот момент в дверь моей мастерской постучали.

Не просто постучали. Постучали официально. Тот самый ритм – три чётких, вымеренных удара, который означает только одно: к тебе пришли люди в форме. Или, что в моём мире одно и то же, слуги Церкви Чистого Кода.

В животе неприятно ёкнуло.

– Открыто! – крикнула я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Дверь скрипнула. На пороге стоял он. Инспектор. Идеально выглаженный мундир пепельного цвета с серебряными пуговицами-шестерёнками. Нагрудный жетон – стилизованный глаз, внутри которого вращался бесконечный цикл кода. Холодное, непроницаемое лицо. В руках – планшет из чёрного обсидиана.

– Ведьмина Аглая? – спросил он. Голос был ровным, как голос синтезатора.

«Ведьмина». Меня всегда передёргивало от этого слова. Звучало как «прокажённая» или «недочеловек». Но по закону я была именно ведьмина. Лицензированный специалист по магическому ремонту второй категории.

– Да, я, – кивнула я, вставая. Керни испуганно нырнул в карман моего халата. – Чем могу служить?

Инспектор вошёл, не спеша оглядев мастерскую. Его взгляд скользнул по полкам, заваленным сломанными артефактами, паяльнику, лежащему рядом с ритуальным ножом, и чашке с надписью «Я ♥ # сегфолты». Он поморщился. Едва заметно, но поморщился.

– Плановая проверка, – отчеканил он. – Документы. Лицензия. Журнал учёта магических вмешательств за последний квартал.

Я молча протянула ему папку с бумагами. Внутри всё бурлило. Очередная проверка. Через месяц после прошлой. Случайность? Не верю. Церковь вынюхивала, как всегда. Искала повод прижать, оштрафовать, maybe даже приостановить лицензию. Потому что ведьмы, даже законопослушные, были для них как заноза в заднице. Живое напоминание, что магия – это не только их стерильные, выверенные протоколы.

Инспектор устроился за моим же столом, отодвинув проектор, и начал листать. Каждую страницу он сканировал своим планшетом. Пищалка издавала недовольные звуки.

– Запись от двенадцатого марта, – произнёс он. – «Ремонт

хронометра „Вечность“». Цель вмешательства?

– Он спешил. На двести лет вперёд, – ответила я, стараясь не скрипеть зубами. – Я откалибровала маятник.

– Метод?

– Стандартный протокол обратного отсчёта. С поправкой на лунную фазу.

– Поправка не зарегистрирована в утверждённом реестре методик, – безразлично констатировал планшет.

– Она работает, – процедила я.

– Это не имеет значения, – сказал инспектор. – Имеет значение соответствие регламенту.

Вот же ж сухарь проклятый. В голове пронеслась картина: как я беру его блестящий планшет и аккуратно, с любовью, разбиваю им же его же бесстрастное лицо. Я глубоко вдохнула. Не надо, Алиса. Не надо. Он уйдёт. Они всегда уходят.

Проверка тянулась еще сорок минут. Он выискивал малейшие несоответствия: не та печать, неправильно заполненная графа, недостаточно подробное описание побочных эффектов. Каждый раз его голос звучал всё более... удовлетворённо. Он ловил меня на мелочах. И ему это нравилось.

И вот, когда он уже почти добрался до сегодняшней записи о проекторе, случилось это.

Он поднял голову и взглянул прямо на меня. Холодный, стеклянный взгляд.

– Ведьмина, у вас есть незадекларированный источник магических колебаний, – сказал он. – В пределах этой ком-

наты.

У меня похолодели пальцы.

– Это мой фамильяр, – быстро соврала я. – Голографический хомяк. Он зарегистрирован, см. приложение Б.

– Не он, – инспектор поднял планшет. На экране пульсировала странная диаграмма – не сигнатура живого существа, а что-то... чужеродное. – Сигнал слабый, но структура аномальная. Похоже на фрагмент несанкционированного кода. Вы что-то скрываете?

Глюк. Это был мой глюк. Тот самый кусок странного кода, который я обнаружила в себе месяц назад и о котором никому не сказала. Он спал. Почему он активировался сейчас?

– Не знаю, о чём вы, – сказала я, и голос прозвучал хрипло. – Может, помехи от нестабильного артефакта.

Я машинально взяла в руки тот самый «Сон ангела». И в этот момент... увидела.

Не глазами. Каким-то внутренним зрением. Стены моей мастерской исчезли. Вернее, они стали прозрачными, и сквозь них проступила... реальность. Но не та, к которой я привыкла. А её каркас. Бесконечная, пульсирующая сеть из светящихся линий – код мироздания. Одни строки текли плавно и ясно. Другие – с ошибками, мерцали, зависали. А прямо передо мной, там, где сидел инспектор, зияла чёрная дыра в этой сетке. Пустота. Анти-код. И от неё ко мне тянулась тончайшая, почти невидимая нить. Моя нить. Мой глюк.

Длилось это доли секунды. Но инспектор заметил. Его глаза сузились.

– Что с вами? – спросил он резко.

Видение исчезло. Мир вернулся на место. Я стояла, сжимая в потных ладонях розовую игрушку, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле.

– Голова кружится, – выдавила я. – Не выпалась.

Он смотрел на меня ещё несколько томительных секунд. Потом медленно кивнул, отложил планшет.

– Проверка завершена, – сказал он, вставая. – Нарушения зафиксированы. Предписание об устранении и штраф поступят в течение трёх рабочих дней. При повторных нарушениях – рассмотрение вопроса о приостановке лицензии.

Он развернулся и вышел, не попрощавшись. Дверь закрылась за ним с тихим, но окончательным щелчком.

Я просидела неподвижно минут пять. Пока сердце не перестало выпрыгивать из груди. Пока пальцы не перестали дрожать.

Ну вот, Алиса. Поздравляю. Теперь у тебя не просто странный глюк в голове. Теперь у тебя доказанный странный глюк в голове. И Церковь об этом в курсе.

– Керни, – хрипло позвала я. – Включи протокол «Уборка». Пока меня не вынесло.

Голографический хомяк взметнулся с моего плеча и завис в центре комнаты, замерцав. Из него полился поток мягкого синего света, который принялся методично сканировать

каждый сантиметр мастерской, отмечая мусор и разложенные детали.

Уборка – мой ритуал. Лучший способ не сойти с ума. Когда мир плывёт у тебя под ногами, нужно навести порядок хотя бы на своём столе.

Я встала, потянулась и пошла к дальнему углу, где стояла корзина магического непередового. Туда отправлялось всё, что нельзя было починить, нельзя было продать на запчасти и нельзя было безопасно выбросить в обычный мусор. Сломанные кристаллы памяти, отработанные батареи заклинаний, артефакты с необратимыми повреждениями ядра.

– Ладно, друзья, – пробормотала я, заглядывая в корзину. – Сегодня ваш черёд отправиться на утилизацию. Не обижайтесь. В следующей жизни родитесь с более качественной прошивкой.

Я стала доставать предметы один за одним, сканируя их Керни на предмет остаточной опасности. Разряженный амулет защиты – в синий пакет. Треснувший шар предсказаний, показывающий только вчерашнюю погоду – в жёлтый. Набор перьев феникса, выгоревших до состояния обычных куриных – в зелёный.

И вот моя рука наткнулась на него.

Маленькое, овальное зеркальце в серебряной оправе. Когда-то – артефакт «Истинное отражение». Должно было показывать не внешность, а сущность человека. Какой-то горе-маг купил его, чтобы узнать, «душа ли его девушка или

демон в облике человека». Зеркальце сломалось после первого же использования, показав ему, судя по всему, что-то настолько травмирующее, что он принёс его мне со словами «заберите эту дрянь, я готов доплатить, чтобы вы её уничтожили».

Я подняла зеркальце. Оправа была холодной. Поверхность – матовой, будто покрытой инеем. Стандартная полочка для таких артефактов – перегрузка цепи интерпретации. Оно пыталось прочесть что-то слишком сложное или противоречивое и сгорело.

– Ну что, бедняга, – вздохнула я. – Попалось что-то не по зубам? Не переживай. Скоро ты станешь безопасной пылью.

Я направила зеркальце на себя, чтобы в последний раз проверить – нет ли случайных всплесков. И...

Мир снова исчез.

Но на этот раз – не полностью. Стены, стол, Керни – всё это осталось на месте. Исчезло только моё отражение.

В матовой поверхности зеркала не было моей уставшей физиономии с растрёпанными рыжими волосами. Вместо неё пульсировало, дышало и переливалось нечто.

Фрагмент кода.

Но не того кода, к которому я привыкла. Не чётких строк на Pythonomatic или рунических скриптов. Это было нечто живое. Геометрические структуры, которые постоянно пересобирались сами в себя. Светящиеся узлы, связанные нитями энергии цвета, которого не существует в природе. И всё

это было пронизано ошибками. Но не багами – а какими-то изначальными, фундаментальными несоответствиями. Как если бы базовые законы логики в этом месте дали трещину.

И этот код... дышал в такт моему сердцу.

Я замерла, не в силах оторвать взгляд. Это было страшно. Это было красиво. Это было самое чужеродное и самое личное, что я когда-либо видела.

– Что... что ты такое? – прошептала я, и моё дыхание заплескалось на холодной поверхности зеркала.

Код в ответ вспыхнул. Одна из светящихся нитей дернулась и потянулась прямо ко мне. Не к зеркалу. Ко мне, Алисе, сидящей в мастерской.

В ушах зазвучал нарастающий гудение, как от перегруженного сервера. В висках застучало.

ГЛЮК АКТИВИРОВАН.ПОДКЛЮЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО.СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ: ОБНАРУЖЕН НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К ЯДРУ.

Эти слова не звучали. Они вспыхивали у меня в сознании, как системные оповещения. Чистыми, белыми буквами на чёрном фоне.

Я отшвырнула зеркальце, как ошпаренная. Оно со звоном ударилось о стену и упало на пол, но не разбилось. Просто легло матовой поверхностью вверх, и из него всё ещё сочился тот странный, неземной свет.

Я сидела, обхватив голову руками, и дышала, как загнанная лошадь. Керни, перепуганный, тыкался в меня, пытаюсь

понять, что случилось.

– Всё... всё в порядке, – прохрипела я, хотя ничего не было в порядке. – Просто... просто глюк дал о себе знать. Более... наглядно.

Я подняла взгляд на зеркальце. Свет в нём медленно угасал. Через несколько секунд оно стало просто сломанным куском стекла в серебряной оправе.

Но я-то уже знала. Знала, что этот «глюк» – не случайность. Не болезнь. Это ключ. Или антенна. Или... якорь, привязанный к чему-то огромному и абсолютно чужому.

Я медленно поднялась, подошла к зеркальцу и осторожно, будто оно могло укусить, подняла его. Положила не в корзину с утилем, а в дальний ящик стола. Под замок.

– Ладно, – сказала я тихо, глядя на свои дрожащие руки. – Похоже, мусорный день только начался. И я, кажется, только что нашла в куче хлама не сломанную игрушку, а инструкцию по эксплуатации к концу света. Или к его починке.

Я вздохнула, потёрла виски.

– Надо было просто стать дантистом.

Глава 2: Идеальный эспрессо и закон всемирного тяготения

Если бы кто-то спросил меня, в чём смысл жизни, я бы, не задумываясь, ответил: в идеальном эспрессо. Не слишком горьком, не слишком кислом, с плотной, бархатистой кремой цвета лесного ореха, которая держится ровно столько, сколько нужно, чтобы успеть насладиться видом, прежде чем сделать первый глоток.

В этом была своя, совершенно безупречная логика. Кофейные зёрна – это данность. Вода – это данность. Давление пара – это переменная, но управляемая. Следуй правильно-му алгоритму (помол, температура, тамперовка, время экстракции), и ты получишь предсказуемый, восхитительный результат. Совершенство в повторяемости. В мире, где я иногда просыпался и не мог вспомнить, как меня зовут, эта мысль была спасительным якорем.

Моё имя – Лео. Я владелец и главный (читай: единственный) бариста кофейни «У Беовульфа». И это было лучшее место во всём Новом Вавилоне, даже если вы спросите не меня, а моего кота.

– Беовульф, солнце, подвинься, – мягко сказал я, аккуратно сметая с барной стойки пушистый рыжий бок. – Это место для клиентов, а не для твоей послеобеденной сиесты.

Кот приоткрыл один изумрудный глаз, выразительно зевнул, показав розовое нёбо и маленькие острые клыки, и неспешно переполз на табурет у окна. Его не смущало, что табурет был предназначен для людей. Беовульф считал, что вся кофейня, включая меня, – это его личная собственность. И, честно говоря, я с ним соглашался.

Я проверил температуру группы кофемашины – идеальные 93 градуса. Взвесил порцию свежемолотых зёрен. Ровно 18 грамм. Утрамбовал в корзину портафилтра с давлением в 30 фунтов. Включил помпу.

Глубокий, бархатистый гул заполнил тишину. Первые тёмные капли пробились сквозь решётку, сливаясь в ровный, медленный ручеёк. Янтарный, с рыжими отблесками. Аромат – орехи, тёмный шоколад, едва уловимая ягодная кислинка. Идеально.

Я поставил демитассу под носик и наблюдал, как кремовая «тигровая» пенка медленно поднимается, покрывая поверхность. Это был мой дневной ритуал №1. Первая чашка всегда была для меня. Не для проверки. Для благодарности. За ещё один день. За возможность помнить, как пахнет свежий кофе.

Я уже поднёс чашку к губам, когда дверь кофейни с лёгким звоном распахнулась.

– Леооо! – раздался жизнерадостный, чуть хрипловатый голос. – Ты жив! А я уже думал, тебя ночью демоны-оптимисты утащили за чрезмерную любовь к прекрасному!

На пороге стоял Хикс. Мой стажёр, спаситель и наказание в одном лице. Подросток лет семнадцати, в мешковатой футболке с потускневшим принтом какой-то давно забытой инди-рок группы, с наушниками на шее и вечным блеском в глазах.

– Демоны-оптимисты предпочитают капучино, – невозмутимо ответил я, отставляя свою чашку. – А я сегодня завариваю эспрессо. Не их профиль. Ты опоздал на семь минут.

– Вини общественный транспорт! – Хикс с размаху бросил свой рюкзак за стойку и на ходу натянул фартук. – Трамвай на перекрёстке Лейбница и Ньютона завис. Буквально. Он просто замер посреди пути, и из всех щелей пополз вот этот... фиолетовый туман. Пришлось обходить пешком. Круто, да?

У меня в животе ёкнуло. Фиолетовый туман. Звучало как мелкий, но раздражающий глюк реальности. Такое случилось в городе всё чаще. Церковь, конечно, говорила, что это «естественные колебания магического фона». Я-то знал, что это – кривой патч, ошибка в коде, дыра в логике бытия. Как и всё остальное.

– Не «круто», – мягко поправил я. – Опасно. И для трамвая плохо. У него, наверное, аналог мигрени.

Хикс только фыркнул, приняв это за шутку. Он был удивительно, почти патологически незамечающим. Аномалии, глюки, странности – для него всё это были просто «фишки» города. Иногда я ему завидовал.

– Ладно, босс, что по плану? – спросил он, уже протирая питчер для молока.

– Открытие через десять минут, – сказал я, распечатывая свежий пакет с круассанами. – Ты готовишь станцию, я займусь выпечкой. И, Хикс...

– Да?

– Сегодня без экспериментов с сиропом из голубого сычуаньского перца и лаванды. Последний раз миссис Тендли чуть не вызвала экзорциста, решив, что в неё вселился дух её покойного мужа-сластёны.

Хикс засмеялся, и кофейня наполнилась этим звуком – искренним, немного громким, очень живым. Я улыбнулся. Вот ради таких моментов всё и стоило того. Ради запаха свежей выпечки, урчания Беовульфа, болтовни Хикса. Ради простых, понятных, не фальшивых вещей.

Первые клиенты пришли ровно в восемь. Офисные работники с потухшими глазами, жаждущие кофеина. Студентка с гигантским учебником по «Теургическому моделированию», ворчащая на «легаси-заклинания». Пара туристов, щёлкающая камерой всё подряд, включая Беовульфа (кот снисходительно позволил).

Я погрузился в привычный, медитативный ритм: помол, темперовка, эспрессо, пар. Мои руки двигались сами, без участия сознания. Это был мой код. И он работал безупречно.

Пока не пришёл он.

Я узнал его сразу. Пожилой мужчина в потрёпанном, но аккуратном пальто. Мистер Эджернон. Постоянный клиент. И ходячее воплощение пессимизма. Он садился всегда за один и тот же столик у окна, заказывал всегда один и тот же чёрный кофе, и всегда, абсолютно всегда, после первого глотка говорил одно и то же:

– Всё идёт к чертям, Лео. Всё. Погода, политика, молодёжь. Даже кофе уже не тот.

Обычно я просто кивал, предлагал бесплатную печенюшку и отходил. Но сегодня... сегодня что-то щёлкнуло. Может, из-за истории Хикса с трамваем. Может, из-за того самого смутного чувства неустойчивости, которое преследовало меня с самого утра, как забытое слово на кончике языка.

Я наблюдал, как мистер Эджернон устало опускается на стул, смотрит в окно на морозящий с неба цифровой дождь (ещё один глюк городских погодных сфер) и вздыхает так, будто на его плечи взгромодили всю тяжесть мира.

И мне вдруг дико, до боли захотелось его подбодрить.

Не просто улыбнуться. Не просто дать печенюшку. Изменить что-то. Сделать так, чтобы этот человек, хотя бы на пять минут, увидел мир не в серых, а в... розовых тонах. Буквально.

Я даже не думал. Я захотел. Сильно и безоговорочно.

Взяв чашку для его заказа, я не просто налил в неё кофе. Я... сосредоточился. На тёплом, обволакивающем аромате. На чувстве уюта от первого глотка в холодный день. На про-

стой, глупой радости, которую может дать маленькая чашка чёрной жидкости. Я вложил в это движение, в этот взгляд на струю кофе всё, что у меня было.

Никаких заклинаний. Никаких рун. Просто... намерение.

Я почувствовал лёгкое головокружение. Как будто я ненадолго перестал быть просто Лео, бариста, и стал чем-то бóльшим. Каналом. Через меня прошла волна... чего-то. Тёплого, светлого, слегка покалывающего.

Глюк? – мелькнула тревожная мысль. Но было уже поздно.

Я поставил чашку перед мистером Элджерноном. – Ваш кофе, сэр.

Он кивнул, не глядя, взял чашку, сделал первый, привычно-дежурный глоток. И замер.

Потом медленно, очень медленно поднял на меня глаза. Они были широко распахнуты.

– Лео... – прошептал он. – Что... что это?

– Кофе, – неуверенно сказал я. – Как всегда.

– Нет... – Он оторвался от чашки и посмотрел в окно. И я увидел это сам.

Цифровой дождь за окном стал розовым. Не просто изменил цвет. Он стал светящимся, мягким, конфетно-розовым. Капли падали медленно, как лепестки сакуры. И на асфальте они оставляли не лужи, а короткие, мимолётные вспышки золотистого света.

Но это было ещё не всё. Мистер Элджернон смотрел на

этот дождь, и на его лице – вечно поджатом, недовольном – расцветала улыбка. Сначала неуверенная, потом всё шире и шире. Он снова посмотрел на свою чашку, потом на меня.

– Он... он на вкус как вишнёвый пирог, – сказал он, и в его голосе звучало изумление, а не раздражение. – Как тот, что моя жена пекла... давным-давно. А мир... он такой... красивый?

Эффект длился ровно пять минут. Ровно столько, сколько он пил кофе. Потом розовый дождь за окном снова стал обычным, скучно-цифровым серым. Улыбка на лице мистера Элджернона дрогнула, сменилась привычной усталостью, но в глазах остался осколок того света.

Он допил кофе, молча положил на стойку деньги, кивнул мне (кивок был другим – не формальным, а благодарным) и вышел.

Я стоял за стойкой, обхватив её руками, чтобы они не тряслись. Сердце бешено колотилось.

Что я наделал? Это был не просто «глюк». Это было осознанное вмешательство. Я изменил реальность. Не остановил время, не заставил предметы летать – я изменил восприятие. И вкус. И, кажется, ненадолго подправил погоду за окном.

Паника, холодная и липкая, поползла по спине. Я вспомнил своё правило: никаких чудес. Только кофе. Только логика. Только предсказуемость.

«Успокойся, – сказал я себе. – Это было разово. Скорее

всего. Наверное».

Чтобы отвлечься, я решил вынести мусор. Сгребли с Хиксом остатки молока, пустые упаковки, кофейную гущу. Я взял переполненный бак и потащил его к чёрному ходу.

Двор нашей кофейни был крошечным, заставленным ящиками и старыми мешками от зёрен. Я подошёл к большому мусорному контейнеру, приподнял тяжёлую пластиковую крышку одной рукой, а другой попытался опрокинуть в него бак.

И в этот момент оно случилось.

Из моих пальцев, напряжённых от тяжести и внутренней дрожи, вырвался крошечный, неконтролируемый спазм. Что-то вроде разряда статического электричества, только не на коже, а глубже. На уровне... реальности.

Крышка мусорного контейнера, которую я держал, перестала весить что-либо.

Она просто зависла в воздухе у меня в пальцах. Не падала. Не тянула руку вниз. Она просто была там, неподвижная, нарушая все мыслимые и немыслимые законы физики.

Я замер, не веря своим глазам. Потом осторожно разжал пальцы.

Крышка осталась висеть на том же месте, в тридцати сантиметрах от земли. Она медленно, лениво повернулась вокруг своей оси, как осенний лист на невидимом потоке воздуха.

У меня перехватило дыхание. Это было не «восприятие».

Это было оно. То самое. То, чего я боялся каждую ночь, просыпаясь в холодном поту с ощущением, что я – ошибка.

ГЛЮК РЕАЛЬНОСТИ: ОТКЛЮЧЕНИЕ ГРАВИТАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. ЛОКАЛИЗАЦИЯ: НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ОКРЕСТНОСТЬ ОБЪЕКТА «ЛЕО». ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: 30 СЕКУНД.

Слова снова вспыхнули в сознании. Чистые, безэмоциональные. Системное уведомление.

Я сглотнул, не сводя глаз с парящей крышки. Тридцать секунд. Мне нужно было тридцать секунд не двигаться, не паниковать, не думать о том, что будет, если это выйдет из-под контроля. Если я, например, чихну.

Я зажмурился. Сосредоточился на дыхании. На звуке дождя за стеной. На запахе кофе и выпечки, доносившемся из-за двери. На якоре.

Раз... два... три...

Когда я снова открыл глаза, крышка с глухим пластиковым стуком лежала на асфальте. Обычная. Тяжёлая. Подчиняющаяся закону всемирного тяготения.

Я стоял, опёршись о холодную стену, и дрожал мелкой, неконтролируемой дрожью. Во рту пересохло.

Из приоткрытой двери донёсся голос Хикса:– Лео! Ты там? Клиент на раф хочет, а я не помню, сколько ванильного сиропа ты говорил лить!

Я сделал глубокий, прерывистый вдох. Потом ещё один.– Иду! – крикнул я, и голос прозвучал почти нормально.

Я поднял крышку (она снова была невыносимо тяжёлой), водрузил её на контейнер, выбросил мусор. Мои движения были механическими, чёткими. Как по алгоритму.

Возвращаясь в кофейню, я бросил последний взгляд на серый, цифровой дождь. И на секунду мне показалось, что в его однообразном потоке мелькнул один-единственный розовый пиксель. И тут же исчез.

Я толкнул дверь. Меня встретили тёплый воздух, запах корицы и жизнерадостное:– Босс, ну наконец-то! Я тут без тебя как без рук!

Я посмотрел на Хикса, на Беовульфа, мурлыкающего на своём табурете, на клиентов, погружённых в свои чашки и разговоры. На свой якорь.

– Всё в порядке, – тихо сказал я, надевая фартук. – Просто выносил мусор. Всё в полном порядке.

И если мои руки всё ещё слегка дрожали, то это было только от усталости. Только от усталости.

Потому что я был просто бариста. Я просто делал кофе. И всё, что происходило вокруг – розовый дождь, зависшие крышки, всплывающие в голове системные уведомления – это были просто мелкие, временные глюки. Ничего более.

Я должен был в это верить. Иначе мне пришлось бы поверить в то, что я – нечто иное. А это было слишком страшно.

Я взял в руки питчер с молоком, ощутил его знакомый, твёрдый вес. Реальность. Вот она. – Хикс, – сказал я. – Раф – это 15 мл сиропа. Не больше. Иначе будет приторно. Запом-

ни.— Есть! — радостно откликнулся он.

И я снова погрузился в ритм. В помол, в пар, в предсказуемость. Пока мог.

Но где-то на задворках сознания, тихо и настойчиво, звучал новый вопрос: «А что, если завтра глюк продлится не тридцать секунд? А минуту? А час?»

Я отогнал эту мысль. Налил себе ещё одну чашку эспresso. Слишком горького. Сегодня он почему-то совсем не удался.

Глава 3: Протокол «Сирота»

Тишина в бункере была не живой, а мертвой. Такая, какая бывает в герметичных отсеках подводных лодок или в священных склепах под храмами. Я её культивировал. В тишине не слышно, как твой пульс учащается, когда дочь начинает кашлять. В тишине легче заметить малейший глюк в стабильности поля.

Мой «офис» представлял собой гибрид лаборатории, арсенала и медпункта, втиснутый в бывшее бомбоубежище под старым фабричным зданием. Стены, покрытые свинцовыми пластинами и резонирующими рунами подавления. Столы, заваленные инструментами для тонкой магической диссекции и более грубыми – для физической. И в центре – кресло-изолятор.

В нём сидела Лира.

Моей дочери было двенадцать лет. Она казалась ещё меньше, утонув в огромном кресле, обвешанном датчиками и кристаллическими резонаторами. На её худеньких руках, на груди, на висках были прикреплены лепестки холодного серебра, соединенные тончайшими волокнами световода с центральным процессором – украденным мной Церковным стабилизатором поля «Гармония-7».

– Папа, мне жарко, – тихо сказала она, не открывая глаз.

– Это эффект стабилизации, солнышко. Ещё немного, –

мой голос прозвучал неестественно ровно, как зачитанная инструкция. Протокол спокойствия. Дочерний агент не должен распознавать признаки стресса у оператора.

На экране передо мной пульсировали графики. Эфирная плотность. Флуктуации реальности. Уровень спонтанной тургии. Последний был главным. Он показывал, насколько сильно реальность вокруг Лиры пыталась переписать себя, подстраиваясь под её бессознательные мысли. Сейчас кривая напоминала зубы акулы – резкие пики и провалы. Стабилизатор сглаживал их, как тяжёлый каток, давящий асфальт. С болезненным усилием.

«Гармония-7» не была предназначена для людей. Её применяли для локализации и «заморозки» опасных артефактов или особенно мощных несанкционированных заклинаний. Церковь называла это «актом милосердия» – лучше заморозить проблему, чем позволить ей распространять хаос.

Я использовал её, чтобы заморозить свою дочь. Чтобы её собственный дар не разорвал её изнутри, как перегруженный процессор.

– Я сегодня рисовала, – сказала Лира, открывая глаза. Они были огромными, серыми и слишком взрослыми для её лица. – Пока ты был на вызове.

– И что нарисовала? – Я проверял уровень заряда кристаллов-аккумуляторов. Осталось 34%. Чёрт. Эти штуки пожирали энергию, как демоны.

– Кошку. Но не простую.

Она протянула руку. На ладони лежал скомканный листок бумаги из моего блокнота для записей. Я развернул его.

И замер.

На бумаге был нарисован кот. Детскими, неуверенными линиями. Но он был... живой. Не в метафорическом смысле. Бумага в месте рисунка была тёплой. Контуры слегка светились мягким перламутровым светом. А когда я перевернул листок, свет проступил и с обратной стороны. Рисунок не просто лежал на поверхности. Он насквозь пропитал бумагу, изменив её структуру.

– Видишь? – в голосе Леры прозвучала слабая гордость, смешанная со страхом. – Он дышит. Я чувствую.

Я чувствовал это и я. Легчайшую вибрацию в воздухе. Новый закон физики, действующий локально, в радиусе пяти сантиметров от рисунка: «бумага может излучать мягкий свет и тепло». Закон, созданный бессознательно девочкой, которая просто хотела нарисовать милого котика.

Цель: Лира, 12 лет. Статус: Спонтанный генератор парадигм реальности. Угроза: Потенциальный кризис локального пространства-времени. Угроза для собственной биологической оболочки. Протокол: Сдерживание. Стабилизация. Сокрытие.

– Молодец, – сказал я, и слова застряли в горле комом. – Очень... живой котик. Но, солнышко, помни правило?

– Не рисовать на «настоящей» бумаге, – она кивнула, и её глаза потухли. – Только на планшете с блокировкой. Я

помню, папа. Просто... забыла сегодня.

«Забыла». Её сила росла. Пробивалась через сознательные запреты, как сорняк сквозь асфальт. Стабилизатор «Гармония-7» был всё более тяжёлым сапогом на этом асфальте. И скоро его будет недостаточно.

Мне нужен был не подавитель. Мне нужно было лекарство. Или, на техническом языке Церкви, «патч для аномального манускрипта». Способ безопасно интегрировать её способности, а не давить их. И такие данные могли быть только в одном месте.

В Священных Архивах Церкви Чистого Кода. В том самом отделе, доступ к которому имели лишь архивариусы и члены Высшего Конклава. Там хранились отчёты обо всех зафиксированных аномалиях, исследованиях, успешных и не очень методах «коррекции». Там могла быть зацепка. Надежда.

И туда мне, бывшему инквизитору, вычеркнутому из реестра за «потерю объективности», доступ был закрыт наглухо. Под страхом стирания.

Я погладил Лиру по волосам, стараясь, чтобы прикосновение не дрогнуло.— Всё хорошо. Я разберусь. Дай-ка я закончу калибровку.

Я вернулся к консоли. Надо было снизить мощность стабилизатора на 5%, иначе он начнёт выжигать её нервные окончания. Мои пальцы привычно летали по сенсорной панели, внося поправки. Протокол «Ангел-хранитель». Мой

личный. Нигде не зарегистрированный.

Именно в этот момент зазвонил внешний коммуникатор.

Не обычный телефон. А закрытый, зашифрованный канал, который знали три человека в мире. Двое из них были мертвы.

Третий...

Ледяная волна прокатилась по спине. Я посмотрел на Лиру. Она снова закрыла глаза, её дыхание выровнялось под воздействием стабилизатора. Статус: стабильный, но хрупкий.

Я подошёл к пульту, нажал кнопку приёма. На экране возникло лицо.

Сухое, аскетичное, с кожей цвета старого пергамента. Глубоко посаженные глаза, в которых светился холодный, аналитический ум. Седая щетина, аккуратно подстриженная. И безупречный белый воротничок сутаны под горлом.

Архивариус Симеон.

– Инквизитор Барни, – произнёс он. Голос был тихим, вежливым, идеально модулированным. В нём не было ничего человеческого. – Прошу прощения за беспокойство в нерабочее время.

Я не поправил его насчёт «инквизитора». Он знал, что я им больше не был. Это был тест.

– Архивариус, – кивнул я. Внутри всё сжалось в тугой, готовый к удару пружинный комок. Что ему нужно? Почему сейчас? Он знает? – Чем могу служить?

– Ваша скромность делает вам честь, – Симеон позволил губам растянуться в подобие улыбки. Это было похоже на трещину на ледяной поверхности. – Я позволил себе обратиться, поскольку вы, несмотря на ваш... неофициальный статус, остаётесь одним из наиболее компетентных специалистов по полевым аномалиям в городе. Ваш отчёт о деле «Плачущих стен на проспекте Прогресса» до сих пор считается образцовым.

Лесть. Опасный знак.

– Я выполнял обязанности, – отрезал я.

– Именно. И теперь Церкви снова требуется ваша экспертиза. В городе наблюдается рост... несанкционированных флуктуаций. Мелких, но многочисленных. Фиолетовый туман на перекрёстке Лейбница и Ньютона. Спонтанные изменения гравитации в районе Старых Доков. И самое интересное – устойчивая аномалия восприятия, зафиксированная сегодня утром в районе кафе «У Беовульфа». Свидетель описывает «розовый дождь» и изменение вкусовых ощущений после употребления кофе.

Сердце пропустило удар. Кафе. Кофе. Мелочь. Ерунда. Но Симеон не занимался ерундой. Он был человеком-алгоритмом. И если он заметил этот эпизод, значит, он построил его в какую-то большую, страшную картину.

– Похоже на спонтанный выброс эмоциональной энергии или слабый проклятый предмет, – сказал я, сохраняя лицо каменной маской. – Не в моей юрисдикции. Обратитесь к

местным санкционерам.

– Санкционеры уже посещали заведение, – Симеон не моргнул. – Их приборы не показали ничего. Аномалия словно... испарилась. Но мои источники указывают, что владелец заведения – необычная личность. Малоизвестен, не имеет регистрации в гильдиях, ведёт замкнутый образ жизни. И, что любопытно, вокруг него не зафиксировано ни одного постоянного глюка реальности. Они возникают и исчезают. Как будто их... сглаживают.

Тишина в бункере стала густой, как сироп. Я слышал, как тихо жужжит стабилизатор за спиной. Как дышит Лира.

– Вы предлагаете мне расследование, – констатировал я.

– Предлагаю контракт, инквизитор. Неофициальный. Найдите источник этих аномалий. Установите его природу. И... нейтрализуйте угрозу, если таковая будет выявлена. В обмен, – он сделал паузу, и в этой паузе повисло всё, – вам будет предоставлен временный доступ к Священным Архивам. Уровень доступа «Гамма». Включая медицинские и теургические разделы.

У меня перехватило дыхание. Уровень «Гамма». Это был доступ к исследованиям, к закрытым методикам, к протоколам лечения самых редких и опасных аномалий. Туда, где могла быть информация о случаях, подобных Лире.

Это была приманка. Идеальная. И смертельно опасная.

– Почему я? – спросил я, давая себе время подумать. – У вас есть инквизиторы. Санкционеры. Целые отделы.

– Потому что этот источник, если он существует, – умён. Осторожен. Он избегает официального внимания. А вы... вы больше не официальное лицо. Вы – призрак. И у вас есть личная мотивация для тщательности, не так ли?

Его взгляд, казалось, проходил сквозь экран, сквозь стены бункера, и упирался прямо в кресло с Лирой. Он знал. Не всё. Но достаточно. Знание было его валютой, и он разбрасывался им скупно, но метко.

– Угроза настолько серьёзна? – спросил я, играя в его игру.

– Всё, что нарушает Чистоту Кода, серьёзно, – ответил Симеон. – Но есть нюанс. Некоторые в Конклаве считают, что эти микроглюки – не проблема, а симптом. Предвестник чего-то большего. И если это так, то нам нужен не грубый арест, а... точечная диагностика. Ваша специализация.

Он предлагал мне стать его скальпелем. И платил за это возможностью спасти свою дочь.

– Условия? – спросил я, и мой голос прозвучал хрипло.

– Полная секретность. Отчёты только мне. Никаких контактов с местными властями. И, – он снова сделал свою ледяную улыбку, – гарантия, что вы не станете... сочувствовать объекту. Вы же помните протокол «Беспристрастность».

Он напомнил мне о моём самом громком деле. Когда я арестовал девочку, которая могла оживлять игрушки. Её «дар» считали угрозой экономике игрушечных гильдий. Я выполнил приказ. Провёл её в камеру подавления. А потом,

ночами, слушал, как она плачет. Её звали Элис.

Теперь у меня была своя Лира.

– Я помню протоколы, – сказал я, и каждый звук давался с усилием. – Сроки?

– Неделя на первичную оценку. Полный доступ к Архивам откроется после предоставления первого значимого отчёта. Окончательный доступ – по завершении дела.

Это была ловушка. Я это понимал. Сначала он даст мне надежду, заставит работать. А потом... потом может быть что угодно. Но у меня не было выбора. Протокол «Сирота» – мой личный, последний протокол – гласил: «Цель №1: обеспечить выживание и безопасность дочернего агента (Лира). Все остальные цели – второстепенны. Все методы – допустимы».

– Я согласен, – сказал я.

– Рад это слышать, – кивнул Симеон. – Данные по первому объекту наблюдения – кафе «У Беовульфа» – уже направлены вам. Удачи, инквизитор. И да пребудет с вами Чистота Кода.

Экран погас.

Я долго стоял, уставившись в тёмное стекло. Потом медленно развернулся.

Лира спала в кресле. Её дыхание было ровным. На её коленях лежал тот самый рисунок. Кот светился. Тёплый, живой огонёк в центре моего холодного, пропитанного страхом и расчётом бункера.

Я подошёл, взял рисунок. Свет был таким реальным, таким несанкционированным.

– Всё в порядке, солнышко, – прошептал я, хотя она не слышала. – Папа всё исправит. Как всегда.

Я подошёл к своему основному терминалу, вызвал файл от Симеона. Фотография фасада уютной, невзрачной кофейни. Имя владельца: Лео. Ни фамилии, ни прошлого, ни регистрации в гильдиях. Призрак. Как и я.

Я откинулся на спинку кресла, сжал виски пальцами. Голова гудела.

Протокол «Сирота» активирован. Цель: установить наблюдение за объектом «Лео», кафе «У Беовульфа». Задача: выяснить природу аномалий. Оценить угрозу. Средства: любые. Ограничение: не привлекать внимания Церкви до момента передачи отчёта. Награда: доступ к Архивам. Шанс для Лиры.

Я взглянул на спящую дочь. На рисунок в моей руке. И на холодный экран с улыбающимся лицом Симеона.

Протокол был запущен. И теперь мне предстояло охотиться на призрака, чтобы спасти собственного ребёнка. И где-то в глубине души, в том месте, где ещё жил инквизитор Барни, шевельнулось старое, знакомое чувство.

Азарт охотника.

Я подавил его. Заменял на холодный расчёт. Надо было начать с завтрашнего утра. Посетить это кафе. Посмотреть на этого Лео. И решить – станет ли он ключом к спасению

моей дочери.

Или тем, кого мне придётся уничтожить, чтобы эту дочь защитить.

Я спрятал светящийся рисунок в сейф. Заблокировал его шестью уровнями защиты. Потом сел и начал готовить снаряжение для завтрашнего выхода в поле.

Мир за стенами бункера был полон глюков, ошибок и несанкционированного кода. И теперь я должен был в него вернуться. Не как служитель порядка. А как отец, готовый ради своего ребёнка взломать любую систему.

Даже если этой системой окажется весь мир.

Глава 4: Некорректный аргумент

Мой мир состоял из трёх вещей: запаха припоя, тихого жужжания голографического хомяка и священной уверенности, что все проблемы можно починить, если найти правильный баг. Пусть даже этот баг – в твоей собственной голове.

Я как раз пыталась это сделать – проанализировать вчерашний «просмотр» в зеркальце. Керни проецировал передо мной сложную диагностическую матрицу, а я вбивала в неё параметры того странного кода. Результаты были... обескураживающими.

– Слушай, малыш, – сказала я фамильяру, который кружил вокруг голограммы, словно обеспокоенный кот. – Это не похоже ни на один известный язык программирования реальности. Ни на Древний C++, ни на Pythonomalicon, ни даже на тот дурацкий церковный «Логос». Это... – я попыталась подобрать слово, – метаязык. Синтаксис для описания самих правил синтаксиса. Кто-то пытался написать... операционную систему для законов физики.

Керни пискнул тревожно. Я понимала его. Мысли о таком масштабе вызвали системную ошибку в моём собственном мозгу.

Именно в этот момент в дверь моей мастерской ворвался ураган в виде перепуганного подростка.

– Помогите! Ради всего святого, вы ведь ведьма Алиса?!

Тот самый мастер?!

Я вздрогнула так, что чуть не опрокинула паяльную станцию. На пороге стоял парень лет семнадцати, в фартуке, забрызганном молоком и сиропом. Его глаза были круглыми от паники, волосы всклокочены.

– Я Алиса, – осторожно подтвердила я. – А вы кто? И кто вам дал мой адрес?

– Хикс! Я Хикс, стажёр из кофейни «У Беовульфа»! Мне дала ваш контакт тётя Зоря с углового ларька, она говорила, вы чините всё! Даже то, что не должно ломаться!

«Тётя Зоря». Старая колдунья, торгующая предсказаниями и пирожками. Я была ей должна за пару услуг. Значит, это рекомендация.

– Ладно, Хикс, – вздохнула я. – Что сломалось? Если у вас сломалась кассовая машина, я не смогу – я не сертифицирована по финансовым заклинаниям, это отдельная лицензия.

– Нет! Кофемашина! Наша La Cimbali M100! Она... она сошла с ума!

– Кофемашины не сходят с ума, – автоматически возразила я. – У них выходит из строя термоблок, забиваются каналы, ломается помпа...

– Нет, вы не понимаете! – Он почти плакал. – Над чашкой... там... чёрная дыра! Маленькая! Она пылесосит в себя ложки, салфетки! Лео в панике, он не знает, что делать! Мы уже чуть не вызвали церковных санкционеров, но Лео чуть не упал в обморок от этой идеи!

Меня зацепило два слова. «Чёрная дыра» – это, конечно, метафора. Но в моём нынешнем состоянии... И «Лео». Владелец. Тот самый призрак, которого я ещё не видела, но уже чувствовала спиной, как щекотку на коже реальности. Инспектор ведь не просто так спрашивал про странные сигналы.

Любопытство – мой главный грех и мой главный двигатель. Оно перевесило осторожность.

– Ладно, – сказала я, выключая матрицу и хватая свой аварийный рюкзак. – Веди. Но предупреждаю – если это розыгрыш, я превращу тебя в голограмму и заставлю вечно проецировать рекламу противогрибковых зелий.

Хикс только кивнул, слишком напуганный, чтобы оценить юмор.

Кофейня «У Беовульфа» оказалась уютной норкой, затерявшейся между двумя техно-небоскрёбами. Пахло кофе, свежей выпечкой и чем-то ещё... статическим. Как перед грозой. Как разряженным конденсатором гигантской ёмкости.

Внутри было пусто. Ни одного клиента. За стойкой метался высокий, немного сутулый парень с тёмными, чуть вьющимися волосами и лицом, на котором смешались паника и вина. Он что-то бормотал, пытаясь накрыть огромную профессиональную кофемашину полотенцем, из-под которого выбивались синие искры.

– Лео! Я привёл её! – выпалил Хикс.

Мужчина обернулся. И я... увидела.

Не глазами. Тем самым внутренним зрением, которое включалось против моей воли. На секунду стены кофейни поплыли, и я увидела его сигнатуру.

Это был не человек. Это был... интерфейс. Невероятно сложный, красивый и страшный. Вместо сердца – пульсирующий узел непостижимой геометрии. Вместо нервной системы – сплетение светящихся нитей, уходящих куда-то за пределы моего восприятия, в самую основу реальности. Он был точкой входа. Или выхода.

А вокруг него, как грязная аура, висели обрывки кривого, конфликтующего кода. Фрагменты вчерашнего розового дождя. Следы отключенной гравитации. И прямо сейчас из группы портафильтра кофемашины бил яркий, ядовитый луч несанкционированной пространственной деформации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.